

Избежав наказания, Чэнь Ань с каждым днём всё больше сближался с Линь Чжэньчжэнем.

Гу Яня это нисколько не удивляло.

Прежде все дела на горе Сяоцан — как внутренние, так и внешние — держались исключительно на нём. И Чжао Чжэньюй, и Чэнь Ань не имели иного выбора, кроме как подчиняться. Теперь же здесь появился Линь Чжэньчжэнь — кроткий, чуткий и обходительный. Полная противоположность суровому и непреклонному Гу Яню.

К тому же новоприбывшему удалось умалосердить преподобного Цинъяна и выхлопотать для Чэнь Аня прощение.

Каждый понял: отныне на горе Сяоцан Гу Янь больше не единовластный хозяин. И если выбирать между "жестоким и бессердечным" старшим братом и мягким Линь Чжэньчжэнем, выбор младших был очевиден.

Тот самый статус «всеобщего любимца», описанный в книге, начинал проявлять себя.

На следующий день за обедом Линь Чжэньчжэнь нарочно привёл Чэнь Аня с повинной.

— Благодарю старшего брата за великодушие, — с улыбкой изрёк Линь Чжэньчжэнь. — Спасибо, что дали Чэнь Аня шанс исправиться. Впредь он станет усердно трудиться на полях и больше не допустит ни единой ошибки ни с духовными нивами, ни с деревьями плодов Билин.

В его глазах при этом мелькнуло затаённое торжество победителя.

Гу Янь остался безучастен:

— Надеюсь.

Однако про себя он отлично понимал: подобного не случится. Чэнь Ань всё глубже увязал в культивации, его фанатичное стремление к силе заставляло забыть на всё остальное. Он ни за что не станет прикладывать усердия в уходе за духовным полем.

Линь Чжэньчжэнь возомнил себя победителем.

И внешне всё выглядело именно так: Гу Янь намеревался прогнать Чэнь Аня с горы, а он сыграл наперекор и удержал провинившегося на Сяоцан. Хотя и неизвестно, о чём Учитель толковал с Гу Янем прошлым вечером, Чэнь Ань остался — разве это не виктория?

Гу Янь мыслил иначе.

В этой истории точка ещё не поставлена.

В прошлой жизни, прогнав Чэнь Аня, он сам взялся за духовные нивы и деревья плодов Билин, опасаясь, что падение урожая лишит их духовных камней на повседневные расходы. Тогда Гу Янь выкраивал каждую свободную минуту и лично ухаживал за посадками.

В итоге он вечно ходил вымазанный в грязи, заслужив репутацию оборванца с жалким видом.

А Нин Шуанфэн и вовсе бросил ему тогда в лицо, что Гу Янь не стоит и волоска с чужой головы.

Теперь Гу Янь и пальцем не дотронется до этих полей.

Ему самому любопытно взглянуть, во что превратится хозяйство на заднем склоне без его вмешательства.

Что ж, поглядим.

Линь Чжэньчжэнь жаждал закрепиться на горе Сяоцан. Сознывая, что из-за повреждённых каналов ему не завоевать уважение силой, он спешил сплотить вокруг себя людей, возвышаясь за счёт унижения Гу Яня.

Вот только юнец не понимал: не всякий человек пригоден в качестве пешки.

Когда кого-то вроде Чэнь Аня — того, кто совершает проступок за проступком — столь легко прощают, у бездельника окрепнет уверенность в безнаказанности. Со временем алчность и наглость возьмут верх, пока в конце концов он не навлечёт беду, которую уже никто не сможет исправить.

И судя по тому, насколько хорошо Гу Янь знал Чэнь Аня, этот день наступит весьма скоро.

Гу Янь чуть заметно ухмыльнулся, глядя на младшего брата.

Эта ухмылка резанула Линь Чжэньчжэня по глазам.

Он терпеть не мог Гу Яня. С самого первого дня. Он до сих пор помнил их первую встречу на горе Сяоцан. Тогда он нарядился в свои самые лучшие, дорогие и пышные одежды, надел яшмовый подвес — артефакт ранга Ди, оставленный матерью. Он был уверен, что затмит всех и прикует к себе каждый взгляд.

Но увы.

Никто из обитателей Сяоцан даже не взглянул на него с восхищением. Его вовсе будто не замечали. С трудом удерживая натянутую улыбку, он проследил за взорами окружающих, чтобы понять, на кого те смотрят.

На юношу в простом холщовом одеянии с растрёпанными волосами.

Тот явно только что вернулся с тренировки на заднем склоне: на щеках блестели капли пота, ладони были обмотаны пожелтевшими бинтами с проступившими бурыми пятнами крови. Наряд был проще некуда, однако лицо... Оно было настолько прелестным, а сам он стоял, с ног до головы омытый золотистым светом, пробивавшимся сквозь листву, что оторвать взор казалось невозможным.

Ослепительный, благородный, подобный драгоценному нефриту и редчайшей жемчужине — словами не передать того юношеского задора, что исходил от него.

То был Гу Янь.

Старший брат-наставник горы Сяоцан. Пусть он считался лишь старшим учеником, но поскольку преподобный Цинъян предавался уединённому самосовершенствованию и избегал мирской суеты, всеми делами на горе заправлял Гу Янь.

Одного-единственного взгляда хватило, чтобы Линь Чжэньчжэнь проникся к нему безумной, всепоглощающей завистью.

Почему?! Почему он, нарядившись с превеликим тщанием, уступил какому-то Гу Яню в дрянном холсте? Почему он сам с малолетства страдает утробным ядом, отчего каждая попытка культивации причиняет дикую боль в каналах, а у Гу Яня — единичный духовный корень дерева девятого ранга, позволяющий без усилий проскакивать Концентрацию Цзи и Заложение Основания?

Почему тот ещё до пятидесяти лет вознамерился формировать Золотое ядро?!

С какой стати?!

Отчего небеса столь несправедливы?!

Именно тогда Линь Чжэньчжэнь поклялся отобрать у Гу Яня всё, чем тот владеет и что ему дорого.

Он хотел посмотреть, как тот запекает, когда лишится всего.

Заступничество за Чэнь Аня было лишь первым шагом.

Задушив в себе горечь ядовитой зависти, Линь Чжэньчжэнь упрямо поджал губы и уставился на Гу Яня.

«Посмотрим ещё. Всё, что принадлежит тебе, станет моим».

Гу Янь, словно ощутив этот взгляд, поднял глаза.

В обычно туманных, влажных глазах младшего брата он уловил тени не успевшей угаснуть ненависти и искренне изумился. Чем же он успел насолить Линь Чжэньчжэню, что тот так его невзлюбил?

Однако мгновение спустя злой огонёк исчез.

Линь Чжэньчжэнь снова принял свой привычный кроткий вид, с улыбкой откланялся и увёл Чэнь Аня из трапезной.

Гу Янь ненадолго задумался.

Убедившись, что никаким боком не обижал Линь Чжэньчжэня, он выбросил эти мысли из головы. Всё равно мириться с ним он не собирался — достаточно держаться подальше.

Затем он вернулся к себе во дворик, чтобы предаться медитации и уходу за духовными растениями.

Когда не было нужды покидать гору, Гу Янь жил по строгому распорядку.

С рассветом он отправлялся на пустырь на заднем склоне фехтовать, затем удобрял дерево плодов Билин, очищал его от вредителей и питал духовной энергией, а после возвращался к медитации, укрепляя свой уровень культивации.

Получив втык, Чэнь Ань пару дней действительно вёл себя смирно.

Поначалу он ежедневно таскался на задний склон проверять духовные нивы и садовые посадки. Однако заметив, что Гу Янь и сам присматривает за деревом плодов Билин, Чэнь Ань решил упростить себе жизнь и заходить только на поля. Размаху усердия хватило дней на пять; затем одолела лень, и посещения сократились до одного раза в два дня. А видя, что Гу Яню абсолютно плевать на его отлынивание, лодырь и вовсе обнаглел, забросив работу насовсем.

Гу Янь, сидя на ветви дерева плодов Билин, лишь хохотнул про себя. Всё шло точь-в-точь по его расчёту.

С высоты проглядывала лёгкая желтизна на нивах.

Духовный рис Яньчжи испытывал жажду.

Сейчас, в пору наливания колосьев, культура требовала обильного полива. Каждая недостающая капля воды оборачивалась потерей урожая.

Но Чэнь Аню, очевидно, на это было плевать.

Так неторопливо утекло два месяца.

За это время рана на правой руке Чжао Чжэньюя затянулась, и тот пару раз появлялся на заднем склоне, где Гу Янь оттачивал мастерство. Видимо, в душе второго младшего брата всё ещё гнездилась обида: держался он отчуждённо и переступить через гордость, чтобы спросить совета по технике меча, не мог.

Он просто выхватывал наугад какую-то сутра-технику и беспорядочно махал клинком поодаль.

А видя, что Гу Янь занят собственным мечом и не удостоивает его даже взглядом, Чжао Чжэньюй ощущал странную обиду.

Смерив Гу Яня сердитым взглядом, он с досадой уходил.

В итоге его тренировки уподобились заботам Чэнь Аня о полях: день работает, два прохлаждается. Из десяти дней Гу Янь не видел его дней восемь.

Поступи Чжао Чжэньюй так раньше — прояви подобную беспечность и забрось культивацию, — Гу Янь незамедлительно выбил бы дверь в его покои и вытащил лоботряса за шиворот прямо из постели.

А теперь...

Разве плохо тренироваться на столь просторном пустыре в полном одиночестве?

Лишь избавившись от заботы о Чжао Чжэньюе, Гу Янь осознал, сколько времени уходило впустую. Второму младшему брату не хватало таланта: тройной духовный корень, посредственное понимание, да ещё и нежелание въедаться в суть. Чтобы обучить его связке приёмов, Гу Яню приходилось разжёвывать каждую позицию, показывая движение десятки раз.

Раньше он искренне опекал его как младшего и проявлял безграничное терпение. Но стоит

парню согнуть с глаз, как времени и места стало в избытке. За какие-то два месяца Гу Янь отточил движения до автоматизма и уже вплотную приблизился к постижению намерения меча.

Вот только ощутить концепцию намерения он не успел — созрели плоды Билин.

Две сотни алых, как маленькие фонарики, плодов размером с кулак усыпали пышные кроны.

Переплетение зелени и алого смотрелось невероятно живописно.

Гу Янь давно ждал этого дня.

Заранее приготовив нефритовые шкатулки, удерживающие духовную энергию от испарения, он сорвал все две сотни плодов ровно в миг их полного созревания и, взойдя на меч, направился в городок Заходящего Солнца. Управляющий Юй Ци, увидев полный урожай, не скрыл удивления:

— Вот это да! Неужто и впрямь ни единого плода им не оставил?

Гу Янь спокойно кивнул:

— Именно.

Проверив товар, Юй Ци отсчитал ему ровно сорок тысяч средних духовных камней и протянул белоснежную ленту для волос с серебряным узором морских волн по краям.

— Добыл через верных людей. Нынче в Союзе бессмертных эта вещь на пике моды. Поговаривают, точно такую же носит тот самый герой из клана Чжу.

Материал ленты оказался удивительным: прохладный и шелковистый, он струился сквозь пальцы подобно воде. Гу Янь взгляделся в ткань, но так и не сумел определить её природу, зато ладони мгновенно пропитались дивным ароматом.

— Сткана из акульей парчи и окурена благовонием Снежной Груши с Ледяной Равнины, — пояснил Юй Ци.

Акуля парча не горит в огне, не тонет в воде и защищает от любых ядов. За каждый вершок такой ткани платят высшими духовными камнями, ценнейшей из валют.

Мало кому удавалось достать целый отрез на платье.

Обычно из неё делали лишь мелкие вещицы: ленты для волос, налобные повязки, кошель да платки.

Главным же компонентом благовония Снежной Груши с Ледяной Равнины служили лепестки и тычинки духовного древа Снежной Груши ранга Тянь, произрастающего на Ледяной равнине Крайнего Севера. В сочетании с редчайшими снадобьями удавалось изготовить лишь с десяток ароматических палочек в год, зато их благоухание не выветривалось годами.

Оно обладало чудодейственным свойством успокаивать разум и утихомиривать бурю в душе.

Заметив, как Гу Янь заворожённо разглядывает ленту, Юй Ци выбил пепел из белой нефритовой трубки и хмыкнул:

— Вещица недешёвая — две тысячи средних духовных камней. Будешь брать?

Ещё во время прошлого визита Юй Ци подметил, что старший ученик выглядит рассеянным, словно в его сознании зреет сердечный демон. Потому он тайком и искал нечто, способное утихомирить дух.

Подобные редкие снадобья ценились на вес золота. Эту ленту удалось раздобыть с великим трудом, а про более драгоценное благовоние Снежной Груши и говорить не приходилось — до него Юй Ци при всём желании не мог дотянуться.

Сознавая, насколько редкие вещи акулья парча и благовоние Снежной Груши, Гу Янь искренне поблагодарил:

— Спасибо за заботу.

Юй Ци лишь ухмыльнулся.

Человеческие отношения — вещь удивительная. Когда прикладываешь усилия ради друга, а Гу Янь ценит это и помнит добро, любые хлопоты окупаются сторицей.

Но если бы Гу Янь проявил неблагодарность или заворчал на цену, Юй Ци затаил бы обиду и навсегда вычеркнул его из круга близких.

Поговорив ещё немного, Гу Янь попрощался и отправился обратным путём на гору Сяоцан.

Однако едва он переступил порог горных ворот, как перед ним выросли Чжао Чжэньюй и Линь Чжэньчжэнь.

Гу Янь холодно бросил:

— Что стряслось?

<http://bllate.org/book/19602/1934188>